

М. В. Бабич (Москва)

СМОТР И МУНСТРОВАННИЕ: ПОИСКИ ВОЕННОЙ МЫСЛИ И ПРИЕМЫ АРМЕЙСКОЙ ПРАКТИКИ 1730-х ГОДОВ

В ОЗВРАЩЕНИЕ К ТЕМЕ РЕФОРМ Б.-Х. Миниха, по которой автору настоящей статьи уже посчастливилось выступить в рамках проекта «Война и оружие», обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, обнаружением нескольких архивных документов, однозначно связывающих это направление законотворчества с полковыми смотрами 1730-х гг., никогда не рассматривавшимися сквозь призму углубления регуляризации армии. Во-вторых, знакомством с очерком «инспектирования» отечественных вооруженных сил А. Н. Щербы, установившим, что для профессиональной среды открытием является само его существование в России ранее 1946 г.¹ А, если так, то и наблюдения, не претендующие на кардинальное прояснение научной картины эпохи, не представляются слишком скромными, а предвещающий их пересказ, излагавшихся не однажды, излишним.

Тем более, что при еще одном обращении к сюжету смотра и мунствования можно высказать соображения, которым прежде не находилось места. Начиная со знаменательного удвоения семантического значения термина, которое подчеркивает органичность петровской «прививки» европейских моделей к привычным реалиям в одном ряду с регламентами-уставами, правилами-регулами или возведением чего-то общезначимого и просто крупного в степень генерального. Ведь смотр людей в удостоверение их годности к службе как один из ключевых элементов ее организации бытовал на Руси задолго до XVIII в. с его известными изменениями, естественно перерастая в ревизование еще и снаряжения, подготовки и финансирования «регулярных» теперь контингентов по «регулярным» же стандартам.

Такие изменения прослеживаются от «Записки» под заглавием «О смотре и мунствровании», вступившего в 1704 г. в звание российского фельдмаршал-лейтенанта, барона Г.-Б. Огильви². Ему приписывается и привнесение в обиход «репортов в графах»³, откуда прямо-таки сакраментальное для государственно-общественной и частной жизни утверждение «табели» как разграфленного перечня физических лиц и «вещей», к 1710-м гг. уже триумфальное⁴. Распространение же нового понимания смотра, названной «Запиской», можно считать доказанным по выявлении Г. В. Калашниковым подхода к ней как к инструкции сразу после совместного с автором «мунствования» Петром I четырех пехотных полков 23 декабря 1704 г. Хотя недавно влившиеся в российское офицерство иностранцы могли и сами знать аккумулярованную Г.-Б. Огильви «цесарскую» традицию продолжать «свидетельство» (смотр-ревизию. — М. Б.) выстроенного «в парад» личного состава «свидетельством» его оружия и мундира, артиллерии и других «припасов», а затем показательным «учением» с письменной фиксацией итогов акции, которая производилась особыми *musterherr* — повелителями образцов, в буквальном переводе с немецкого языка.

Насколько точен перевод, приведенный в интернете, и почему авторитетнейший в своей области М. Фасмер, тоже, ведя от средневеково-латинского слова *muster* — образец, немецкое же, *mustern* — муштровать, трактует его как «производить смотр», но неотрывную от того и другого позднейшую «муштру» связывает с польским словом *musztrować*? Не менее авторитетный В. И. Даль еще (или уже. — М. Б.) видит великорусское «муштровать», произошедшим от немецкого «держат строго» или «придирчиво взыскивать, уча»?⁵ Эти «филологические» рассуждения небесполезны с точки зрения наглядности неординарно быстрой эволюции военной, а за ней и «гражданской» лексики. Но, она же, отражает не одни свойства национального языка, но и снизу доверху отзывавшуюся в «нравах» динамичность, присущую военному строительству XVIII в.

Рецепция разных западных «прав», корректировавшаяся на полях все более успешных сражений с передовой Швецией, смотры занятых в них соединений довольно долго обходит стороной. По крайней мере, в нескольких тысячах ныне опубликованных «офицерских сказок», собранных Военной коллегией в конце 1710-х — начале 1720-х гг., весьма обыденные «предстояния»

перед командованием участники неизменно вспоминали повышениями в чинах, отпусками из-за ран и болезней или отсылками к «определению» в столицы, реже — передислокациями или «раскассованиями» полков. И, вроде бы, никогда — проверками строевых навыков или обеспеченности всем необходимым.

В известной степени такие умолчания задавались коллежским формуляром, прагматично отождествлявшим профессиональную состоятельность слуги государства, помимо чина, не с казенным содержанием, зачастую символическим, а с владением населенными именьями. Но и конституировавший петровскую армию «Устав воинский» 1716 г., достаточно четко описывая знакомые по Г.-Б. Огильви составляющие, не придает им самостоятельного значения, адресуя разъяснение порядка «смotra солдат и что при том примечать надлежит», прежде всего, кригс-комиссарам (военным. — М. Б.) разных рангов⁶. В самой опоре на их совокупность едва ли был осознанный отказ от ранее заявленного «мунствования» в пользу французского варианта «комиссарского смotra», отнюдь не исключавшего какого-либо контроля по «образцам» с наказанием виновных в нарушениях, чему и посвящено большинство «пунктов» Регламента комиссариату 1711 г.⁷

Дело, скорее, в том, что к исходу первого десятилетия XVIII в. приоритетом «комиссариатских» чинов было само обеспечение остальных военнослужащих деньгами и «принадлежащими воинскими вещами» — в «позднесоветском» смысле доставания, гораздо более важного, чем законность выплат или качество наличной экипировки. Прочная же ассоциация с французским словом «комиссар» от латинского *commissio* — поручение с теми, чьим «поручением» было заведение какими-либо суммами или материальными средствами⁸, повелась, вероятно, от возведения князя Я. Ф. Долгорукова в генерал-комиссары 18 февраля 1700 г. при назначении к «делам» бывших Иноземского и Рейтарского приказов⁹. И на судьбу учреждения, призванного руководить военными комиссарами, повлияла не меньше, чем подлинные иностранные комиссариаты.

Хорошо согласуясь с «уставным» представлением об армейском комиссаре как «экономе (домоуправителе. — М. Б.) и добром арифметике», представление о комиссаре вообще как «завхозе» слабо согласовывалось с представлением, кто в доме настоящий хозяин, устоявшимся еще лучше, и, наконец, с местом,

занятым в государственном аппарате Военной коллегией в 1720-е гг. Поэтому российский Комиссариат вряд ли мог в полной мере обрести аутентичные, по П. О. Бобровскому, его прототипам в Дании, Пруссии, Священной Римской империи и Франции, министерские полномочия¹⁰ (к их легальному обретению иногда приближаясь вплотную).

Непросто было, и разграничить его все расширяющиеся компетенции с Военной коллегией, самой последовательной попыткой которого пришлось пожертвовать в русле принятого по воцарении Елизаветы Петровны курса на воссоздание изначального облика отцовских «установлений». Неотрывные же от Комиссариата реальные и мнимые мундирно-амуничные «непорядки» в середине 1720-х гг. превратились в идеологическое клише, служившее то символом любых неудач военной политики, то средством давления на причастных к ней особ, то предложением вмешательства в нее по другим причинам. По-своему стимулировав и соотносением в сознании материальной части вооруженных сил, свыше десяти лет безраздельно «комиссариатской», с «мунствованием», которое попало в фокус внимания, полагаем, из извлеченного из недр императорского Кабинета сочинения генерал-майора И.-Б. Кампенгаузена.

Резонировавшее с критическими настроениями послепетровских правительств относительно «войска... российского государства», оно предлагало более или менее оригинальные меры по его улучшению, решающую роль среди которых недавний петровский полковник отводил генеральному смотру всех его полков¹¹. Выходец (в 1711 г.) из шведского офицерства в описаниях, каким должен быть смотр, апеллируя к «уставам» Карла XI (настолярным и для Петра), от общеевропейских норм не отступал. Обосновывая, что если бы даже узаконенные комиссариатские («камисные») смотры следовали регламентам, а они не следуют, случаясь спорадически и «точию ради, все ль люди в лицах», то не заменили бы генерал-мунстергеровские. Поскольку комиссару не признать негодности им же поставленного, в самом признании «доброты» этого он скован штатными «сроками», а воздать справедливость («юстицию») отличающимся друг от друга «трудностями» подразделениям, их офицерам и рядовым, не правомочен. Делегирование, по примеру шведских королей, «спроса» каждого военнослужащего о его удовлетворении всем положенным и неизбежных «обид» лично подчиненным «искусным мужам»,

«ни до чего другого дела» не имеющим, одарит «императорское величество» знанием и своего «солдатства», и затрат на него. И, в конце концов, — единением с армией и питающим ее рекрутами народом в пространстве «полного порядка», «равной расправы как нижнему, так и вышнему» «верности и правосудия»¹².

Утопические упования И.-Б. Кампенгаузена на «сокровище генерального смотра» в знаковых актах периода отклика не получили, да и сановники, знакомые с полным текстом его произведения, досконально не выявлены. За вычетом А. В. Макарова, кабинет-секретаря Петра I и Екатерины I, и А. И. Остермана, будущего лидера Кабинета Анны Иоанновны, которые, правда, и были вдохновителями и организаторами комиссионального разрешения актуальных проблем армии от разработки очередного (после 1720 г.) штата без дальнейшего роста военного бюджета. Комиссия, которая сумела выполнить эту задачу, не зациклившись на ней одной, открылась только в 1730 г. Но проектирование и предмет ее не сложившихся предшественниц 1727 и 1729 гг. не держались в секрете, как-то сопрягаясь и с «пересмотром» — с февраля 1728 по август 1729 гг. — генералитетом «обще» с кригс-комиссарами «в людях, ружье, мундире и амуниции, экзерциции» свыше 80 «своих» полевых и гарнизонных полков. Ни в ведомости о нем, сохраненной Воинской комиссией 1730 г.¹³, ни в других ее материалах, нечастых тогда ссылок на «авторов идей» нет. Но коллеги И.-Б. Кампенгаузена по Комиссии, где и он (очень недолго) заседал, безошибочно выбрали из них те, которые обещали радикальное обновление существующей практики.

А именно, подход к генеральному смотру как к гаранту «ненарушимости» армейских устоев в их «полезных учреждениях», «неотменность» его проведения дважды в год, а также понимание «генеральности» как единовременного охвата всех частей независимыми от «их» генералитета военачальниками с «табельным» обобщением сведений о них к рассмотрению на самом высоком уровне. Тогда как из смотров, по запросу Комиссии, перечисленных Военной коллегией указом от 26 января 1719 г. о генералитетском свидетельстве корпусов к началу «кампании»¹⁴, в качестве генерального был квалифицирован только запланированный на 1721 г. и, по-видимому, не состоявшийся.

Шесть остальных, включая 1728—1729 гг., отвечали признакам генералитетских и фронтальных, но все относились

к чрезвычайным, вручаясь по специальным поводам особыми указами специально выбранным лицам. И почти всегда имели в виду преимущественно личный состав с документальной характеристикой только командных кадров в стремлении к сотворению архетипического, по сути «генерального списка», как фундамента управления офицерским корпусом. Путем, главным образом, заочного анализа «офицерских сказок» некий результат здесь был достигнут регистрацией к 1729 г., по выкладкам Г. В. Калашникова, 3765 человек от генерал-аншефа до профоса¹⁵. Это должно было способствовать готовности военной элиты впредь «примечать», вслед за комплектностью, и иные стороны «исправности» полков, сконцентрировавшись на хозяйственной (тоже, так или иначе, налаженной), усовершенствование которой и стало главным для Воинской комиссии 1730 г.

Ее безусловный успех в исполнении по большинству «пунктов» озвученной в именном указе от 1 июня 1730 г. программы¹⁶, признают все, кроме убежденных порицателей личности и деятельности Б.-Х. Миниха, возглавившего ее после смерти фельдмаршала, князя М. М. Голицына. Касательно пункта 10 об учреждении «генерального смотра и мунствования» резюмируем и добавим следующее. Изданная 7 декабря 1731 г. «Инструкция определенным при армии генерал-инспектору и военным инспекторам»¹⁷, помимо высочайше декларируемого (выше цитированного. — М. Б.) взгляда на генеральный смотр, вводила равновесность критериев оценки «доброты порядка» во всех его выделяемых тогда ракурсах — «людях, ружье, мундире», амуниции, лошадях, обозе, «экзерцициях», лазаретах, расходах, «счетах» и «журналах». Повторение того же в «Военном словаре» С. А. Тучкова 1818 г. (где «инспекторский смотр» предстает как нечто, само собой разумеющееся)¹⁸ показывает, что укладывание множества статей «комиссариатских регул» 1711 г., Устава 1716 г. и новейших мотиваций в сжатое должностное руководство было удачным. И еще удачнее — переименование трудно произносимых «мунстергереров» в «инспекторов», уже бойко переводимых с латыни как «смотрители», «надзиратели» и «охранители»¹⁹. Сам же документ 1731 г., сразу вошедший в делопроизводственный оборот как Инспекторская инструкция, ставил во главу угла генерализацию учета всех штатных единиц, которые надлежало вносить в «смотровые списки и табели» по приложенным «формулярам».

Они образовывали монолитный блок с «Высочайше утвержденными формами» по пункту 9 программы Комиссии («о полковых книгах, рапортах, годовых ведомостях и счетах») от 22 марта 1732 г. и «апробованным» Сенатом и императрицей 9 мая 1732 г. ее «Рассуждением» о «церемонии» смотров, которые, без отмены комиссариатских, теперь директивно (а не рекомендательно) вменялись «аншеф-командующим и гарнизонным командирам и полковникам» как своего рода репетиции к инспекторским осмотрам²⁰. «Списки людей, лошадей и прочего» должны были подаваться туда в почти готовом виде и, как и другие «формы» обычно осуждаются в литературе, подавляя громоздкостью перечней с колонками к прописыванию каждого «епанечного крючка» или железной лопатки (с количеством, ценой и пресловутыми «сроками»). Но, на самом деле, существенно упростили аналогичные требования петровских «уставов», сократив их, сведя воедино с устранением противоречий и приспособив к заполнению, умеющими только арифметике, «грамоте и писать». Смотровые же списки легли в основу как поступления в Военную коллегию адекватной информации о подведомственных контингентах хотя бы в их командном сегменте, так и беспрецедентно развернутых данных об армии XVIII в. в ее человеческом аспекте, раскрытие исследовательского потенциала которых, — еще впереди.

Парадокс заключается в том, что «инспекторский» норматив, ориентированный на размеренность работы армейского механизма, при переводе на практическую почву выступил как ордер для мобилизации ресурсов его развития. Не столь мощных, как выглядели, что и проявилось в немедленном обрушении очерченной в Инструкции 1731 г. коллегии воинских инспекторов. Хотя ее структура — один — от кавалерии и два — от инфантерии под председательством генерал-инспектора, с прямой подчиненностью Кабинету Ее Императорского Величества (Е. И. В.) и лимитированной подотчетностью Военной коллегии, не расходилась ни с отправным тезисом о генерал-мунстергере как доверенном лице монарха, ни с испробованным в 1728—1729 гг. распределением смотровых обязанностей между несколькими генеральствами с отчетливо просматривающейся внутренней иерархией.

Номинальность пожалования в генерал-инспекторы от флота весной 1732 г. адмирала, графа Н. Ф. Головина и вакантность поста инспектора кавалерии (по оставлении при дворе генерал-лейтенанта А. П. Волынского) могли не слишком занимать, так

сказать, военную общественность. Но исключаящие, не предписанную взаимопроверку, а элементарную координацию инспекторских действий. «Чехарда» на их принципиально постоянных должностях²¹ и волокита в обработке материалов были очевидны всем.

Привлеченный генералитет, как бы компенсируя незавершенность процесса конца 1720-х гг., справился со всеми 17 штатными гарнизонами и отчасти ландмилицией на Украинской и как раз заселяемой Закамской линиях. Объемлющий же чуть более 40 (всего около половины) полевых пехотных и драгунских полков²² смотр 1732—1733 гг. никак не дотягивал до генерального, легко объясняя, таким образом отсутствие о себе гласных политических резолюций и негласный уход военной инспекции с освященной в историографии государственной сцены, вплоть до екатерининских времен.

Однако впечатление о его провале становится противоположным при сопоставлении перечня «отсмотренных», который реконструируется по «журналам» Кабинета и смотровым спискам РГВИА, с росписями А. К. Байовым полков-участников близкой войны с Турцией (включая участников предшествовавшего ей Польского похода 1733—1734 гг.)²³. Степень совпадения так высока, что не дает усомниться в отправке на театр 1736—1739 гг., прежде всего, побывавших на инспекторском параде, с присоединением к полевым и, обследованных, тогда как «стоящих» в городах-гарнизонах. Это особенно заметно на примере пехоты из 51 регулярного полка, среди которых смотр не прошли — не более 15 (а, скорее, менее, так как 10 из «перечнево» записанных за разными инспекторами пока не идентифицированы вместе с 10 драгунскими, чьи скрытые за ссылками на «гарнизонные» города названия тоже могли бы изменить соотношение в соответствующих — 9/28 — группах).

Молчаливое предпочтение частей, подвергшихся инспекции в начале 1731 г., удостоверяет сразу же оцененную пользу таковой для их боеспособности так же надежно, как отложившиеся с тех пор смотровые списки — соразмерность их возможностей, предъявленным им тогда же требованиям к документации. Неудивительно, что и парадигма генерального смотра в 1730-е гг. не исчезла из военной мысли и из действительности, пусть во всеобщем масштабе более не провозглашалась и посягательств на оптимизацию не избежала.

Так, именной указ от 24 сентября 1736 г. уведомлял Военную коллегию о недопустимости дальнейшей приостановки «смotra и мунствования» из-за определения «инспекторов... к другим делам», что причинило убытки казне от чрезмерных запасов одних полков и гибельной обделенности других полков в разгар «кампании». Вести же его, приступив сразу по вступлении на зимние квартиры, повелевалось опять преобразованному Комиссариату по срочной к сочинению коллежской инструкции²⁴. В условиях реформирования центрального военного управления — с января 1736 г., замковым камнем которого и должен был стать открытый 23 марта Походный комиссариат²⁵, передача туда инспекторских функций могла показаться логичной, но только вынося за скобки их не стыкуемость с положением Походного комиссариата в системе Военной коллегии и ее новообразованных контор. Авторы проекта Инструкции и поступили соответственно, без неудобных комментариев, взяв лишенную преамбулы Инспекторскую инструкцию 1731 г. под заголовком, запечатлевшим современное им прочтение «мунствования» как надзора за имущественным довольствием («О смотре и мунствовании полков и о прочем, что до снабдения оных касается, и о пресечении происходимых беспорядков, и о приведении в доброе состояние»)²⁶.

Между тем проект, на быстрое утверждение которого рассчитывали в сентябре, такового не получил никогда, а Кабинет уже через месяц и сам отступил от позиции генерального смotra «от Походного комиссариата», обязав к «пересмотру всех полевых и ландмилицких полков по силе Инспекторской инструкции [и] комиссариатских регул» непосредственно Военную коллегию. Сюда и прислали списки по «формам» 1731 г. о смотрах «за воинского инспектора», которые весной и летом 1737 г. провели в нескольких полках генерал-аншеф А. И. Румянцев и генерал-лейтенант, князь В. Н. Репнин²⁷. Ответственность же за массовые смотры правительство взяло на себя, прибегнув к типичному для своей администрации инструменту комиссий, по определению вневедомственных и сравнительно самостоятельных. Дополнительным побуждением к этому мог стать и опыт Комиссии Персидского корпуса, которая сначала как инспекция не позиционировалась.

Всесторонняя не укомплектованность полков из возвращаемых Персии по договору 10 марта 1735 г. «провинций»,

с Персидского (Низового) похода 1722—1723 гг., охраняемых одноименным корпусом, была общеизвестна, как и целесообразность их применения в предстоящем столкновении с турецкими. «Исправление» же их майором лейб-гвардии Измайловского полка И. А. Шиповым, командированным в Воронеж «от Кабинета» с крепкой командой гвардейских обер- и унтер-офицеров, похоже, превзошло ожидания. Доставка к южной границе мундира и амуниции из Москвы (с устройством особых переправ на дорогах), погашение не полученных с 1734 г. сумм, хлопотная покупка лошадей в сопредельных губерниях, усиление солдатами их гарнизонов (свыше тысячи которых замещались рекрутами) шли так слаженно, что в январе 1736 г. на ту же структуру возложили и текущее снабжение действующей армии²⁸.

Кабинет-министры выговаривали И. А. Шипову за претензии — на равных сноситься с Военной коллегией, но закрывали глаза на «понудительные» задержания присутствующих одной из ее контор. А, главное, убедились, что Комиссия одного способного порученца с немногими помощниками и мобильной канцелярией в решении задач генеральной инспекции не уступает квалифицированному коллективу, располагавшему целой (в 13 человек) экспедицией канцелярии Военной коллегии²⁹, саму коллегию заодно разгружая от ликвидации «неисправностей». Так что смотр 1737—1738 гг. вполне предсказуемо попал в руки трех «кабинетских» комиссий во главе с лицами из персонала этой коллегии, которые еще и должны были стать арбитрами в ее «спорах» с фельдмаршалами, графами Б.-Х. Минихом и П. П. Ласси.

Сентенцией об этом и ее «лучшем обличении в происходящих оплошностях» открывался именной указ от 10 августа 1737 г. А. П. Баскакову, бывшему капитану лейб-гвардии Преображенского полка, ветерану Северной войны и громких событий прошлого, а в настоящем действительному статскому советнику, эксперту в военно-финансовых и церковно-экономических вопросах и члену многих сложных следствий³⁰. Этот указ, вскоре ставший регламентом и для других (в том числе, и для следующей — Ландмилицкой — комиссии И. А. Шипова. — М. Б.), без затей воспроизводил Инспекторскую инструкцию. Демонстрируя, что «мунствование» полков, марширующих «в границы» из «кампании» 1737 г., затевается не столько для штрафов «по воинским уставам без упущения», сколько для

заблаговременного узнавания, «чего... есть и чего недостает, и тот недостаток откуда пополнить велено»³¹.

Намерение «мунстрировать» полки, «бывшие в походе», ради «кампании» будущей еще отчетливее проговорено в адрес Комиссии, чье наследие доступно в РГВИА³². Под документально зафиксированным названием «о смотре и мунстрировании от инфантерии полевых полков» она была вверена обер-штер-кригс-комиссару, князю А. А. Оболенскому, которого именной указ от 4 октября 1737 г. вводил впервые в ряды высшего чиновничества. Почему, возможно, его и отправили в бывшие «низовые» полки П. П. Ласси (с присоединением Азовского, Вологодского, Казанского и Пермского той же «команды»). Несмотря на живописание фельмаршалом бедствий «при Азовской экспедиции», которым резонно не доверяли³³, здесь не ожидали затруднений как по обстановке на этом «фронте», так и по всей прошлогодней бытности И. А. Шипова. Судя по оправданиям А. А. Оболенского в продлении его смотра до весны 1738 г., затруднения все-таки были. Дошли же до коллегии лишь заверенные Комиссией жалобы командиров Апшеронского, Навагинского, Нашебургского и Ширванского полков о недоданных в 1732—1738 гг. деньгах «за щиблеты» от 80 р. 50 к. до 545 р.³⁴

Мелочность их «недостатков» по-своему любопытна. Но для изучаемой темы еще любопытнее состав пакета врученных А. А. Оболенскому руководящих документов в 23 наименованиях. В дополнении учредительных актов, «Устава и Артикула», штата и полного инспекторского комплекта 1731—1732 гг. позднейшими указами об имении майорами и адъютантами «добрых лошадей», отосланных обоим фельмаршалам палатках и т. п., тоже можно усматривать ненужную мелочность. А можно — уверенность в наличии сил, необходимых для соблюдения буквы закона, невзирая на военные тягости. При том, что в указе А. А. Оболенскому прямо выражено не артикулированное в указе А. П. Баскакову намерение применить ее ко всем занятым в «кампании» 1737 г. войскам (кроме «оставленных» в Кинбурне и Очакове) с восстановлением «специализации» 1731 г. — закреплением за А. П. Баскаковым драгун и разделением пехоты между А. А. Оболенским и полковником С. П. Епишковым³⁵.

Последнему достались более многочисленные и активные полки Днепровской экспедиции Б.-Х. Миниха, из-за конфликта с которым по причине донесения о негодности там солдатского хлеба

С. П. Епишкову, при всем солидном прокурорском и «розыском» стаже самому привелось попасть под военное следствие³⁶. Тем не менее, он, несомненно, успел обревизовать 16 регулярных и 2 ландмилицкие части (кроме которых, из намеченных к его смотру — 5 числятся в фондах РГВИА. — М. Б.). С 15 драгунскими полками, упомянутыми в рапортах А. П. Баскакова, и еще 4, чьи смотровые списки датированы 1737—1738 гг., 8 «армейскими», в смотре которых отчитался персонально уполномоченный на него А. И. Румянцев (распорядившийся о смотре 9 драгунских полков генерал-лейтенантом К. Бироном), достижениями И. А. Шипова, В. Н. Репнина и А. А. Оболенского, предприятие осени 1737—1738 гг. вырастает в крупнейший генеральный смотр первой половины XVIII в.

Его же источники рисуют самым близким к идеалу начала 1730-х гг. по равноценной сосредоточенности выступавших от имени Е. И. В. лиц к «живой силе и технике» и широте документального оформления параметров «состояния» армии. А также по неким оргвыводам, если не государыни, то главнокомандования. Б.-Х. Миних не без пренебрежения отклонил единичные замечания по количеству и качеству кое-где рядовых, вооружения, лошадей и провианта³⁷, но, как и накануне войны, исходил из инспекторских данных в планах ее последней кампании. Заблуждения «верхов» в накоплении полками разоряющих государство излишков и торможении пополнения «строевых» сверхсрочным держанием рекрут в офицерских денщиках тем временем рассеялись³⁸. А составление отдельных ведомостей о ветхости и обязательной перемене «вещей», не исключено, породило то продержавшееся до конца XIX в. явление, что ранее данное инспекторам право «выметать» все устаревшее обернулось непреклонным правилом списания чего-либо с полкового баланса только «по генеральным смотрам»³⁹.

Все призванные, далее, к «смотру и мунстрованию» чины были освобождены от мер по «непорядкам», обдуманность чего, в частности, отозвалась в названии очередного временного органа. Комиссия укомплектования персидских полков для вывода внутрь страны «команды» генерал-аншефа В. Я. Левашова в 12 пехотных и драгунских соединений, из которых и «низовых» было всего 3⁴⁰, действовала примерно так же, как комиссии А. П. Баскакова, С. П. Епишкова и А. А. Оболенского. Но по сугубо коллежским указам, без внешне ничего не менявшего «спроса»

военнослужащих в «параде» и чаще всего безответных рапортов в Кабинет, почему и работа бригадира В. С. Борзово с присутствующими не обозначалась как «смотр и мунстрование»⁴¹.

Несмотря на это, они представили смотровые списки, засвидетельствовав своего рода укорененность установленного Воинской комиссией 1730 г. принципа сопровождать ими каждый полковой «разбор», кто бы и зачем его не совершал. То же видим в описях РГВИА по отношению к частям, «генерально» в 1737—1740 гг. не «смотревшимся», но подобно им, не утратившим интенцию вовсе не систематически, но все же «сообщать» о себе в коллегию в ближайшем будущем.

Неизученность военной повседневности последующих десятилетий XVIII в. не позволяет заключать, восприятие ли в полках идеологии Инспекторской инструкции вызвало вступление учрежденной ею институции в качественно иную фазу, когда генерал-инспектором стал князь Г. А. Потемкин⁴², или тому были другие причины. Поэтому завершим обзор становления государственного контроля над армией суждением, что его отличительными особенностями были упор на внедрение такого контроля в сферу военного хозяйства («мунстрование») и теснейшая взаимосвязь кардинальных подвижек в этой области с ощущением истощения платежеспособности населения во второй половине 1720-х гг. или вызовами русско-турецкого противостояния десятилетие спустя.

⁴¹ Щерба А. Н. Организация инспектирования войск русской армии // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 3—9.

⁴² Бобровский П. О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 161; Калашников Г. В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700—1745 // Клио. 2000. № 3. С. 116—117.

⁴³ [Бантыш-Каменский Д. Н.] Биографии российских генералиссимусов и генералов-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 68.

⁴⁴ При необходимости соотносить это, кажется, еще не изучаемое в России явление Нового времени с размышлениями М. Фуко о приобретении вышедшей из глубокой древности учетной таблицы функций вместо техники власти и процедуры познания: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 213, 217.

⁴⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. С. 363; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 21.

⁴⁶ ПСЗ. Т. 5. № 3006. Гл. 15, 19, 27, 44; Гл. 7 Артикула Воинского.

⁴⁷ ПСЗ. Т. 4. № 2456.

⁸ Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху... // Сборник отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. СПб., 1910. Т. 8. С. 131, 148, 156; Фасмер М. Указ. соч. М., 1986. Т. 2. С. 182, 203, 347.

⁹ ПСЗ. Т. 4. № 1766. Его ведомство скоро станет Приказом военных дел, ориентированным, в том числе, и на содержание вновь образуемых полков, а сам князь по героическом возвращении из шведского плена в 1711 г. опять возглавит устроенный на его базе Комиссариат в персонально пожалованном звании генерал-пленипотенциар-кригс-комиссара: Галкина Н. И. Приказ военных дел // Государственность России... Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 387–388; Долгоруков Я. Ф. Военная энциклопедия / Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1912. Т. 9. С. 170–171.

¹⁰ Бобровский П. О. Указ. соч. С. 329–331, 348–349, 398–399, 408–411, 420–424 и др.

¹¹ См. статью М. В. Бабич: Война и оружие. 2014. Ч. 1. С. 100–113; М. В. Бабич: Меншиковские чтения: Научный альманах. СПб., 2014. С. 236–264.

¹² Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд-е 1. Кн. 29. Л. 403–404, 421, 422, 438.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 23. Оп. 1. Ед. хр. 207. Л. 10–24.

¹⁴ Именной указ в коллегию от 8 января 1719 г. «пересмотреть и разобрать» офицеров гарнизонных полков, она комиссии не сообщила (Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Гарнизонные войска / Сост. К. В. Татарников. М., 2016. Предисл. С. 4).

¹⁵ Калашников Г. В. Указ. соч. С. 119.

¹⁶ Полное собрание законов (ПСЗ). Т. 8. № 5571.

¹⁷ ПСЗ. Т. 8. № 5900.

¹⁸ Тучков С. А. Военный словарь, заключающий наименования или термины в Российском сухопутном войске употребляемые... 2-е изд. М., 2008. С. 145–146.

¹⁹ Ср.: Регламент Камер-коллегии от 1 декабря 1719 г. (ПСЗ. Т. 5. № 5466. § 22); Тучков С. А. Указ. соч. С. 145.

²⁰ ПСЗ. Т. 8. № 6003, 6046. Предусматривалось ли приложить к Инспекторской инструкции под № 2, включенную в «Рассуждение» «форму» именного списка чинов от полковника до рядового «для генерального смотру» с показанием возраста, года начала службы и даты вступления в настоящий чин или сбой в нумерации в приложениях к ней — просто опечатка ПСЗ, не выяснялось.

²¹ Генерал-майор Т.-Г. Венедигер скончался до выезда в полки, ставший генерал-инспектором генерал-лейтенант К. И. Гохмут подолгу болел, генерал-майора М. И. Леонтьева, единственного кроме него участника смотра 1728–1729 гг., вскоре перевели в Низовой корпус, из поочередно заменявших их генерал-майоров Д. Кейта и Л. В. Измайлова, последний вовсе не обрел официального статуса, в каком с 31 ноября 1731 г., на момент его фактического упразднения, пребывал один генерал-майор, кн. Г. А. Урусов. Сведения об этом см. в изданных А. Н. Филипповым «Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны». Юрьев, 1898–1899. Сб. РИО. Т. 104, 106; далее: Бумаги Кабинета.

²² Точность подсчетов здесь недостижима применительно к штатным 32 и 38 (ПСЗ. Т. 43. Ч. 1. № 5803) из-за вариативности оценок ученых и непрерывных корректировок в их составе. Заведомо неполна и коллекция смотровых списков

десятилетия в РГВИА (Ф. 490. Оп. 1. Л. 1—9), верификация состава которой затруднена, в том числе, действующими правилами доступа исследователей.

²³ Байов А. К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736—1739 гг. СПб., 1906. Ч. 1. Прил. С. 77, 91—94, 131—132, 157—158; Ч. 2. Прил. С. 5—7, 16, 46—48 и др.

²⁴ Ф. 248. Кн. 494. Л. 805—805 об.

²⁵ См. статью М. В. Бабич: «К проблеме военных реформ 1730-х гг.: Проект Походного комиссариата. Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Материалы V Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2017. С. 453—458.

²⁶ Ф. 248. Кн. 494. Л. 628.

²⁷ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 54; Т. 117. С. 270, 286, 530; РГВИА. Ф. 490. Оп. 1. Ед. хр. 98, 158.

²⁸ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 27, 55, 88, 126 и др.

²⁹ Калашников Г. В. Указ. соч. С. 21.

³⁰ Рудаков В., Баскаков А.П. // Русский биографический словарь. СПб., 1900. Алексинский—Бестужев-Рюмин. С. 558; Серов Д. О. Администрация Петра Великого. М., 2007. С. 25.

³¹ ПСЗ. Т. 10. № 7358.

³² РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Ед. хр. 56/18—56/19.

³³ См. статью М. В. Бабич: «К проблеме военного управления 1730-х гг. Вокруг комиссариата». Война и оружие – 2016. Ч. 1. С. 107.

³⁴ РГВИА. Ф. 2. Оп. 12/3. Ед. хр. 56/18. Л. 24—24 об.

³⁵ Там же. Л. 1, 3—4 об.

³⁶ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 120. С. 375, 479, 488; Т. 124. С. 476.

³⁷ Там же. С. 37—38; Т. 124. С. 476.

³⁸ А. П. Баскаков по итогам своей ревизии перевел «в драгуны» всего двух денщиков. Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 713. Сведений о зачете в казну сумм, сверхштатно издержанных на мундир и амуницию, не встречается вообще.

³⁹ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 117. С. 758; Т. 120. С. 41—42, 69—70; Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII в. (1700—1761). СПб., 1901. С. 137.

⁴⁰ Затем число порученных Комиссии полевых полков выросло до 33—36 с присоединением еще и 6 полков Воронежского гарнизона.

⁴¹ РГВИА. Ф. 393. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1—147.

⁴² Генерал-инспектор // Военная энциклопедия / Изд. И. Д. Сытина. СПб., 1912. Т. 7. С. 228.